
ЕВА КАРЕЛИНА
КОНТРАКТ НА ОПАСНЫЙ ВКУС
18+

Ева Карелина

КОНТРАКТ НА ОПАСНЫЙ ВКУС

https://litres.ru/74736552
SelfPub; 2026

Аннотация

У запретного всегда особое послевкусие. Сначала обжигает, потом сводит с ума, а в конце ты понимаешь, что уже не можешь остановиться.

Этот договор не должен был быть подписан. Слишком жесткие условия. Срок действия — целая жизнь. И слишком мало шансов выйти из этой игры прежним, когда в дело вмешивается прошлое. Семь лет не смогли стереть то, что однажды вспыхнуло между ними — они лишь сделали вкус этой встречи еще опаснее.

Когда стирается грань между расчетом, старой болью и одержимостью, правила перестают работать. Чья слабость станет главным козырем, а чья — роковой ошибкой?

Осторожно: эта история вызывает мгновенное привыкание. Попробуйте на свой страх и риск.

Содержание

“Контракт на опасный вкус” 4
Ева Карелина 4
ГЛАВА 1. Вкус пепла 5
ГЛАВА 3. Тени на Пьяцца 37
ГЛАВА 4. Анатомия правды 46
ГЛАВА 5. Наживка из красного бархата 79
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Ева Карелина
КОНТРАКТ НА ОПАСНЫЙ ВКУС

“Контракт на опасный вкус”

Ева Карелина

ГЛАВА 1. Вкус пепла

Звук бьющегося фарфора на профессиональной кухне прозвучал как выстрел.

Алена даже не повернула головы. Её пальцы, затянутые в тонкую черную перчатку, продолжали уверенными, ювелирными движениями выкладывать пинцетом веточки микрозелени на идеальный круг свекольного тартара. Вокруг неё кипел привычный пятничный ад: на плитах бешено шипело утиное масло, су-шеф Денис зычным басом раздавал команды соусникам, а официанты непрерывным потоком влетали и вылетали сквозь тяжелые распашные двери, вынося дымящиеся блюда в переполненный зал.

Это был её личный оркестр. Сложный, опасный, требующий ежесекундного контроля. И она была здесь единственным дирижером. Семь лет жесткой, изнурительной работы от простой чистильщицы овощей до Шеф-повара лучшего ресторана в городе выжгли из неё любую слабость. Она ковала свой характер так же, как куют лучшие дамасские ножи — через огонь и лед.

— Шеф… — робко позвал Игорь, старший администра-

тор зала. Он буквально ворвался на кухню, бледнея на глазах под её холодным, вопросительным взглядом. — Там… новые владельцы инвестиционного холдинга. Минуту назад они закрыли ресторан под спецобслуживание. Прямо посреди пятничного вечера! Охранники вежливо, но непреклонно попросили всех гостей покинуть зал.

— Что?! — Денис резко обернулся от плиты, едва не выронив сковороду. — Из-за каких-то пиджаков мы сливаем посадку на двести чеков? Алена, это беспредел!

Алена медленно опустила пинцет на стальной стол. Внутри неё почему-то тревожно и глухо екнуло сердце, словно предчувствуя тектонический сдвиг в её идеально выстроенной жизни.

— Успокойтесь все. Кухне — продолжать заготовки, отдачу на столы заблокировать, — её голос прозвучал пугающе спокойно. — Игорь, кто именно там сидит?

— Я не знаю его имени, Шеф… — администратор сглотнул. — Но он зарезервировал заведение на все выходные. В зале сейчас только один человек. И он требует вас. Лично.

Алена коротким движением развязала узлы и сняла белоснежный фартук, оставшись в строгом черном кителе с

вышитым золотом именем: «Шеф-повар Алена Полякова». Семь лет она потратила на то, чтобы вытравить из себя любые страхи. Семь лет с тех пор, как парень, ради которого она была готова дышать и умереть, просто не пришел на открытие их первой крошечной закусочной, оставив её один на один с долгами, коллекторами и разбитой вдребезги душой. Она выжила. И теперь ни один богатый ублюдок в этом городе не имел права диктовать ей свои условия.

Она толкнула тяжелую матовую дверь и вышла из кипящей кухни в полумрак и звенящую тишину роскошного зала.

Ресторан «Версаль» выглядел сиротливо без привычного гула голосов и звона бокалов. У панорамного окна, за которым стеной лил тяжелый ноябрьский дождь, спиной к ней стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в безупречно скроенном темном костюме-тройке, который сидел на нем так, словно был его второй кожей. В его позе, в чуть небрежно опущенных в карманы брюк руках читалась ледяная, абсолютная уверенность хозяина жизни.

Услышав стук её каблуков, мужчина медленно, плавно повернулся. В его пальцах тускло поблескивал бокал с тяжелым, янтарным виски.

Алена замерла. Воздух в легких мгновенно превратился в

колотое стекло, не позволяя сделать даже мимолетный вдох.

Из полумрака зала на неё смотрели до боли знакомые, пронзительные серые глаза. Те самые глаза, которые она видела в своих кошмарах каждую проклятую ночь на протяжении семи лет. Больше не было бедного, вечно взъерошенного студента Марка в потертой кожаной куртке, который умел искренне смеяться и греть её ладони в своих карманах. Перед ней стоял Марк Громов — акула бизнеса, миллиардер, чье имя не сходило с обложек финансовых журналов, и человек, который когда-то растоптал её жизнь.

— Здравствуй, Алена, — его голос прозвучал низко, бархатисто и пугающе спокойно, заставив волоски на её шее встать дыбом. — Я слышал, у тебя лучший ресторан в этом городе. Я пришел забрать свой долг.

Мраморный пол между ними в эту секунду казался непреодолимой пропастью, на дне которой горели обломки их прошлого. Алена отчетливо слышала, как в панорамное стекло с силой бьют тяжелые капли осеннего дождя. Точно такой же дождь шел в день его исчезновения.

— Твой долг? — Алена заставила свой голос звучать ровно, хотя внутри неё всё выло и рушилось от дикой смеси ярости и внезапно вспыхнувшей боли. Она сделала два реши-

тельных шага вперед, и стук её каблуков эхом отозвался в пустом пространстве. — Ты, кажется, ошибся адресом, Марк Александрович. Свои долги я выплатила. Все. До единой копейки. Семь лет назад, когда из-за тебя на пороге моей съемной квартиры стояли хмурые люди, ломавшие мне двери, а твои телефоны были навсегда отключены. Я никому ничего не должна.

Марк медленно, почти беззвучно опустил бокал на тяжелую деревянную поверхность стола. В его серых глазах, ставших похожими на застывший речной лед, не отразилось ни единой эмоции. Ни стыда, ни капли сожаления. Он смотрел на неё так, словно перед ним был просто очередной бизнес-объект, подлежащий ревизии.

— Я никогда не ошибаюсь в расчетах, Алена, — тихо, но отчетливо произнес он. — Инвестиционная группа «Громов и партнеры» выкупила этот ресторан три часа назад. Полный пакет акций. Прежние владельцы были счастливы избавиться от долгов. Теперь это заведение, это здание и всё, что находится внутри… принадлежит мне. Включая твой пятилетний контракт шеф-повара.

Алена почувствовала, как краска ярости приливает к щекам. Мужчина, которого она когда-то пускала в свою постель, чьи пальцы знали каждый сантиметр её тела, сейчас

разговаривал с ней как безжалостный коллектор.

— Мой контракт можно расторгнуть, — отчеканила она, сжимая кулаки так сильно, что короткие ногти до боли вонзились в ладони. — Я напишу заявление об увольнении прямо сейчас. Ноги моей здесь не будет, Громов. Можешь забирать свои столы, свои стены и подавиться этим залом. Шефа Полякову ты не купишь.

Марк плавно поднялся с кресла. Движение было пугающе бесшумным, кошачьим. Он оказался еще выше, шире в плечах, чем она помнила по их студенческой юности. Его фигура буквально заслонила собой тусклый свет от окна, отбрасывая на мрамор длинную, тяжелую тень.

Он подошел к ней почти вплотную — так близко, что Алена ощутила исходящее от него сухое тепло. Её сердце предательски пустилось вскачь, а в ноздри ударил его новый запах. Больше никакого дешевого геля для душа и сигаретного дыма. Дорогой парфюм с нотами выделанной кожи, сандала и какого-то горького, изысканного табака. Запах сокрушительного успеха и денег.

— Не напишешь, — Марк наклонился к её уху. Его дыхание обожгло нежную кожу шеи, заставив Алену внутренне содрогнуться от опасной, пробуждающейся памяти тела.

— Открой пункт четыре дробь два в своем трудовом договоре, который ты так опрометчиво подписала с прежними владельцами полгода назад. В случае досрочного расторжения контракта по односторонней инициативе шеф-повара, ты обязана выплатить холдингу неустойку. Десять миллионов рублей. Наличными. В течение трех банковских дней.

Алена затаила дыхание. Цифра ударила под дых.

— И это еще не всё, Аля, — его голос стал еще тише, превратившись в бархатистый, гипнотизирующий шепот. — Там есть пункт о неконкуренции. Запрет на работу в любых заведениях общественного питания этого города сроком на три года. У тебя есть лишние десять миллионов, Шеф? Или ты готова пойти работать продавщицей в привокзальный ларек?

Она резко отпрянула, глядя на него с чистой, незамутненной яростью. Прежние владельцы, улыбчивые рестораторы, так мягко стелили! Они уверяли её, что это стандартный юридический пункт, просто формальная защита от агрессивных хедхантеров из столицы. Они заманили её в ловушку. Точнее, он заманил. Марк просчитал эту сделку за несколько месяцев до того, как переступил порог этого зала.

— Зачем? — сорвалось с её губ глухое, надломленное

признание. — Зачем ты это делаешь, Марк? Зачем ты вернулся? Чтобы растоптать меня окончательно? Мало было того, что ты сделал семь лет назад?

Марк посмотрел на неё долгим, тяжелым, нечитаемым взглядом. На мгновение — всего на долю секунды — под маской циничного миллиардера, в самой глубине его застывших серых зрачков, промелькнуло что-то дикое, болезненное, живое. Словно её слова вскрыли старый нарыв. Но он мгновенно вернул на лицо холодную маску безразличия. Ему не были знакомы жалость или сентиментальность. Больше нет.

— Мне нужен лучший шеф-повар для закрытых приемов моего холдинга. Чистый бизнес, ничего личного, Полякова. Твоя квалификация меня устраивает. Твоя гордость — нет, но с этим я справлюсь. Завтра в восемь утра я жду тебя на рабочем месте, Шеф. И упаси тебя бог опоздать хотя бы на минуту.

Он повернулся спиной, давая понять, что аудиенция окончена. Его шаги эхом отдавались от стен. Из тени колонн тут же беззвучно выросли двое массивных охранников в черных костюмах, последовавших за ним как послушные тени.

Алена осталась стоять посреди пустого, темного зала, чув-

ствуя, как внутри всё горит от унижения, злости и… странного, пугающего притяжения, которое она так и не смогла в себе задушить за все эти годы. Она перевела взгляд на стол, где стоял его недопитый бокал. Тяжелое стекло еще хранило тепло его пальцев.

И перед её глазами вдруг вспыхнул другой вечер. Точно такой же проливной ноябрьский дождь. Маленькая, продуваемая всеми ветрами комната в студенческом общежитии на окраине. Сломанный обогреватель, который они вечно чинили вместе, и Марк — промокший до нитки, со смешными каплями на ресницах, но такой счастливый.

Он бережно протягивал ей завернутую в старую газету горячую чебуречную сосиску, которую они тогда разрезали копеечным ножом строго пополам, искренне считая это лучшим ужином на планете…

Алена резко встряхнула головой, отгоняя нахлынувший морок воспоминаний. Прошлого не вернуть. Тот мальчик умер. А этот монстр ответит за каждый свой шаг.

Она проводила взглядом тяжелую спину Марка, пока за ним не захлопнулись массивные дубовые двери, инкрустированные тусклой латунью. Зал ресторана «Версаль» погрузился в глубокую, давящую тишину, нарушаемую лишь при-

глушенным рокотом вентиляционных систем.

Алена осталась стоять посреди этого великолепия, чувствуя себя чужой в интерьере, который сама же создавала по крупицам последние полгода. Прежние владельцы не жалели денег на антураж: стены из темного, почти черного итальянского ореха, тяжелые портьеры из бархата цвета спелой сливы, поглощающие дневной свет, и хрустальные люстры-водопады, которые сейчас, будучи выключенными, казались застывшими глыбами льда. Столы были накрыты белоснежными скатертями из плотного бельгийского льна — Алена лично отбирала поставщиков, требуя, чтобы ткань не имела ни единого узелка. Наполированная до зеркального блеска серебряная посуда и бокалы из тончайшего австрийского стекла отражали редкие вспышки неоновых вывесок, пробивающиеся сквозь залитые дождем панорамные окна.

Этот ресторан был её крепостью. Её триумфом. А теперь он превратился в позолоченную клетку, ключи от которой держал мужчина, разбивший ей сердце семь лет назад.

Алена опустила взгляд на свои руки. На фоне безупречно чистого черного кителя из плотного хлопка её пальцы казались бледными, почти прозрачными. На коже указательного пальца правой руки виднелся едва заметный, застарелый шрам от профессионального японского ножа — память

о первых месяцах адской работы на заготовках в суши-баре, когда она спала по четыре часа в сутки, чтобы заглушить боль от его предательства. Она была хрупкой на вид: тонкие запястья, аккуратные плечи, бледная кожа, не знавшая загара из-за вечных смен в четырех стенах кухни. Но в её осанке, в жестком развороте плеч и упрямом подбородке читалась порода. Темно-каштановые волосы были убраны назад в идеально гладкий, тугой узел, открывая тонкую шею, на которой до сих пор горело призрачное ощущение горячего дыхания Марка.

Её глаза — глубокого, почти болотного зеленого цвета — сейчас потемнели от ярости.

Она решительно развернулась и пошла к дверям кухни. Каждый шаг её невысоких каблуков эхом отдавался от мраморных плит пола. Она не шла — она маршировала на войну.

Толкнув тяжелую матовую дверь с табличкой «Staff only», Алена шагнула в свой привычный мир. Но здесь её встретил совсем другой воздух. Если в зале царила мертвенная прохлада кондиционеров, то на кухне стоял плотный, осязаемый жар. Пахло каленым растительным маслом, пряным тимьяном, чесночным конфи и сладковатым дымком от хоспера — закрытого угольного гриля, где томились премиальные стейки.

Кухня «Версаля» была оборудована по последнему слову техники: длинные линии столов из безупречной нержавеющей стали, над которыми висели начищенные медные сотейники, мощные индукционные плиты, глухо гудящие пароконвектоматы и гигантские вытяжные зонты, всасывающие пар.

Обычно здесь стоял контролируемый хаос: стук ножей об разделочные доски, шипение соусов, крики закупщиков. Но сейчас на кухне царила гробовая, звенящая тишина. Восемь поваров застыли у своих станций, как каменные изваяния.

Денис, её бессменный су-шеф, крупный тридцатилетний мужчина с густой рыжеватой бородой и вечно засученными рукавами кителя, стоял у центрального раздаточного стола. В его мощной руке был зажат пинцет для выкладки, а на лице читалась смесь паники и злости.

— Шеф… — Денис осторожно сделал шаг вперед, его тяжелые поварские сабо глухо стукнули по противоскользящему покрытию пола. — Администраторы сказали, что нас выкупили. Полностью. Прямо посреди чеков. Что этот пиджак в зале от нас хочет? Мы закрываемся? Нас всех под зад коленкой?

Все взгляды поваров — от опытных соусников до совсем юных стажеров на чистке овощей — скрестились на Алене. В этих глазах был страх. Для них «Версаль» был стабильностью, хорошей зарплатой и престижем. Они ждали от своего Шефа приговора.

Алена подошла к центральному столу. Её ладони легли на холодную сталь. Металл приятно остудил горящие пальцы. Она обвела команду долгим, уверенным взглядом, в котором не осталось ни тени той слабости, что она испытала в зале перед Марком. Она снова была капитаном корабля.

— Никто никого не закрывает, — твердо и громко произнесла она, и её голос перекрыл мерный гул вентиляции. — И никто никого не увольняет. Инвестиционная группа действительно сменила руководство. Человек в зале — наш новый генеральный инвестор. Он думает, что купил нас с потрохами, потому что у него много нулей на банковском счете. Но он забыл, что люди приходят в ресторан не ради стен. Они приходят ради вкуса. И этот вкус создаем мы.

Она перевела взгляд на Дениса:

— Денис, собери все чеки, которые мы не успели отдать из-за отмены посадки. Сделай полную инвентаризацию по камере охлаждения. Все бланки заказов на утро пере-

проверить лично. Маринад для дичи, который привезли в обед, утилизировать — он перенасыщен уксусом, мясо станет рыхлым. Переделать с розмарином и можжевеловой ягодой. Поставь демиглас на медленный огонь — нам нужна идеальная текстура к завтрашнему утру.

Повара заметно расслабились, по кухне пронесся тихий вздох облегчения. Люди зашевелились, застучали ножи, снова зашипело масло на плитах. Контролируемый хаос начал возвращаться на свои рельсы.

— Завтра в восемь ноль-ноль я жду всех на местах, — добавила Алена, и в её глазах на секунду вспыхнул опасный, хищный блеск. — Инвестор придет с личной инспекцией. Он хочет проверить технологические карты и оптимизировать наши расходы. Мы встретим его так, чтобы у него затрещали зубы. Свободны.

Она развернулась и быстрыми шагами ушла в свой крошечный кабинет, расположенный в самом конце длинного кафельного коридора заготовочного цеха. Едва за ней захлопнулась хлипкая пластиковая дверь, Алена повернула ключ в замке на два оборота.

Только здесь, в одиночестве, она позволила себе сломаться.

Ноги мгновенно стали ватными. Она тяжело опустилась на старый офисный стул и закрыла лицо руками. Пальцы мелко дрожали. Десять миллионов рублей неустойки. Запрет на профессию. Марк Громов, вернувшийся из небытия в роли её личного палача.

Кабинет Шефа был крошечным и аскетичным: узкий рабочий стол, заваленный накладными, ноутбук, наклейки с номерами поставщиков рыбы на стене и небольшой стеллаж с кулинарными книгами на французском и английском языках. На углу стола лежал старый, потертый блокнот в кожаном переплете — её первый дневник рецептов, который она вела еще в студенчестве. Из его внутреннего кармашка едва заметно выглядывал надорванный край старого, пожелтевшего от времени автобусного билета.

Семь лет она хранила этот мусор. Зачем? Как напоминание о том, какой глупой, слепой и уязвимой бывает женщина, когда влюбляется без памяти.

Тогда, в их крошечной одиннадцатиметровой комнате в кирпичном общежитии, Марк целовал её ключицы, пока за окном шумел точно такой же проливной ноябрьский дождь. У них не было ничего. Старый продавленный матрас на полу, скрипящий шкаф без одной дверцы и двухконфорочная

электрическая плитка «Мечта», на которой Алена умудрялась варить изысканные супы-пюре из копеечных овощей, маскируя бедность специями и дикими травами. Они делили одну чашку чая на двоих и были абсолютно, сумасшедше счастливы.

«Мы откроем свое место, Аля, — шептал он тогда ей в шею, согревая её вечно мерзнущие ладони своими горячими, мозолистыми руками. — Ты будешь королевой на кухне, а я порву этот город в клочья, чтобы у тебя были лучшие продукты, лучшие плиты и самые престижные гости. Обещаю тебе. Наш ресторан изменит всё».

Он действительно порвал этот город. Он стал миллиардером, хозяином жизни, циничным и безжалостным. Но её он порвал первой, просто не придя на встречу семь лет назад и оставив её один на один с рушащимся миром.

Алена резко открыла нижний ящик стола, безжалостно смахнула туда старый блокнот вместе с билетом и с грохотом задвинула его обратно. Хватит воспоминаний. Завтра в восемь утра начнется настоящая война. И если Марк Громов хочет поиграть в её хозяина, ей придется напомнить ему, что на кухне главный только один человек. Шеф.

ГЛАВА 2. Обратная сторона льда

Тяжелый бронированный седан представительского класса бесшумно скользил по залитому неоновыми огнями ноябрьскому проспекту. Капли дождя с силой барабанили по крыше, но в салоне царила абсолютная, почти оракульная тишина, надежно отрезанная от внешнего мира тройными стеклопакетами. Мягкая светодиодная подсветка по периметру дверей горела тусклым, холодным синим цветом, отражаясь в лакированных деревянных панелях из черного ясеня.

Марк Громов сидел на заднем сиденье, глубоко откинув голову на мягкий кожаный подголовник. Его глаза были закрыты. Бокал с виски остался там, в «Версале», но на губах до сих пор стоял горький вкус пепла. И шлейф её аромата. Дикая ваниль, терпкая корица и едва уловимый, острый запах цитрусовой цедры — шлейф, который Алена носила как невидимый парфюм. Запах его личного, бережно хранимого ада. Запах, который он пытался забыть пять лет в венгерской одиночке и два года на вершине финансового олимпа. Все было бесполезно. Один взгляд на неё в черном поварском кителе — и все его защитные барьеры рухнули.

Марк медленно, усталым движением расстегнул верхнюю пуговицу белоснежной сорочки из тончайшего египетского хлопка и ослабил узел тяжелого шелкового галстука. Под дорогой тканью, скрытый от глаз бизнес-партнеров и журнали-

стов, таился уродливый, бледный шрам. Он тянулся от левой ключицы, наискось рассекая грудь, и уходил глубоко под ребра. Память о первой зиме в закрытой восточноевропейской тюрьме, куда его бросили под чужим именем. Место, где человеческая жизнь стоила меньше, чем пачка дешевых сигарет, а закон защищал только тех, у кого в руках была заточка.

— Марк Александрович, — негромко позвал с переднего сиденья Олег, его личный помощник. Олег был единственным человеком, который прошел с Громовым весь путь от Будапешта до Москвы и знал о своем боссе чуть больше, чем сухие строчки финансовых хроник. — Аудиторы закончили экспресс-проверку документов ресторана «Версаль». Юридически всё чисто. Но… вы уверены, что стоило выкупать весь ресторанный холдинг ради одного шеф-повара? Половина активов там — глубоко убыточные кофейни на окраинах. Мы переплатили прежним владельцам почти тридцать процентов от реальной рыночной стоимости. Совет директоров корпорации потребует обоснований на утреннем рапорте.

Марк не повернул головы. Его лицо в колеблющемся свете уличных фонарей казалось высеченным из мрамора. В нем не было и капли того тепла, которое он когда-то дарил Алене.

— Дело не в деньгах и не в совете директоров, Олег. Ты это прекрасно знаешь.

— Я знаю, — Олег вздохнул, перелистывая страницы отчетов на светящемся экране планшета. — Но Алена Игоревна… она ведь ненавидит вас. Я видел её взгляд в зале, когда вы уходили. Если вы хотели просто обезопасить её от людей Коваля или помочь её ресторану закрыть долги прежних хозяев, можно было действовать тоньше. Выписать скрытый грант, нанять подставного инвестора… Зачем этот жесткий пункт про десять миллионов неустойки? Вы сознательно выставили себя безжалостным палачом в её глазах.

Марк наконец открыл глаза. Серый лед его зрачков потемнел, став почти черным. Олег почувствовал, как по спине пробежал холодок — Громов редко смотрел так даже на злейших конкурентов по бизнесу.

— Если бы я действовал тоньше, она бы собрала вещи и уехала из этого города в тот же вечер, — тихо, но со стальной нитью в голосе произнес Марк. — Или устроилась бы в другое заведение, где у меня не было бы возможности поставить своих людей на входе. Те твари, которые заставили меня исчезнуть семь лет назад, снова активизировались. Коваль вернулся в Россию, он копает под мои новые счета. И он ищет мои уязвимые места. Алена — моя единственная уяз-

вимость, Олег. Единственная ниточка, потянув за которую, меня можно сломать.

Марк сжал кулаки, и на его запястьях натянулись сухожилия.

— Пусть лучше она ненавидит меня до конца своих дней, находясь у меня на виду, под круглосуточной защитой моей личной охраны, чем пострадает из-за моих прошлых грехов. На кухне «Версаля» я могу гарантировать её безопасность. Пока её держит этот контракт — она не сбежит.

А с её яростью и проклятиями в мой адрес я как-нибудь проживу. Я учился выживать без её улыбки семь лет. Справлюсь и сейчас.

Машина мягко, без единого толчка затормозила у подземного паркинга элитной высотки из стекла и бетона, где располагался двухэтажный пентхаус Громова.

— Завтра в восемь утра я буду в ресторане лично, — Марк толкнул тяжелую дверь автомобиля, и в роскошный салон мгновенно ворвался сырой, колючий осенний ветер. — Подготовь мне полную раскладку по их поставщикам мяса, рыбы и специй. Посмотрим, насколько наш Шеф готова защищать свою территорию.

07:15 следующего дня. Служебный вход ресторана «Версаль»

Раннее утро в ресторане всегда начиналось не с высокой кухни, а с убойного юмора официантов и бариста, которые сползались на смену в полусонном состоянии. В гардеробной для персонала пахло крепким растворимым кофе (который они пили втайне от Шефа, ведь Алена признавала только свежемолотый эспрессо) и лаком для волос.

— Слышали новость? — Лешка, девятнадцатилетний официант с вечно растрепанной челкой, пытался одновременно завязать фирменный фартук цвета сливы и проглотить кусок бутерброда. — Наш «Версаль» вчера выкупил какой-то олигарх из списка Форбс. Тот самый, который ходит с охраной, у которой лица, как у терминаторов. Игорь вчера чуть в обморок не упал, когда они зал посреди посадки зачистили.

— Ой, да ладно тебе, — отозвалась Катя, старшая официантка, поправляя макияж перед маленьким зеркалом. — Олигарх — это же круто! Представляешь, какие чаевые пойдут? Главное, чтобы Шеф его сегодня с кухни индукционной плитой не прибила. Вы же знаете нашу Полякову. Ей хоть президент зайдет — если стейк прожарен не так, она его заставит самого фартук надеть.

— Это точно, — хмыкнул бариста Макс, настраивая кофемашину, которая уже начала издавать предупреждающее шипение. — Полякова вчера после его ухода так ножами на кухне звенела, что Денис спрятался в морозилке для рыбы под предлогом инвентаризации трески. Сегодня будет битва титанов. Делаем ставки, народ: кто кого? Наш Шеф против миллиарда долларов?

— Цыц, зубоскалы! — на пороге гардеробной выросла массивная фигура Дениса. Су-шеф уже был в безупречно чистом кителе, но под глазами залегли темные тени от бессонной ночи. — Языками чесать будете на перерыве. Быстро в зал, натирать приборы до зеркального блеска! Если новый босс увидит хоть одно пятнышко от воды на бокалах — я лично заставлю вас эти бокалы съесть. И Шефа не злить! Она сегодня с семи утра на ногах, маринад переделывает. Воздух на кухне такой, что спичку поднеси — рванёт. За работу!

Официанты мгновенно притихли и поспешно потянулись в зал, прихватив с собой полировочные салфетки.

Ровно в 07:45 Алена Полякова стояла у центрального стола раздачи. На кухне было стерильно чисто, нержавейка отражала свет люминесцентных ламп. Повара застыли по своим позициям, как солдаты на параде. Алена медленно по-

правила воротник своего черного кителя. Семь лет назад она ждала этого человека со слезами на глазах. Сегодня она ждала его с холодным расчетом и готовностью защищать свой дом до последнего вздоха.

В восемь ноль-ноль двери кухни с грохотом распахнулись. Война началась.

Марк вошел без предупреждения и без стука. Дверь кухни, снабженная мощным доводчиком, глухо ударилась о резиновый ограничитель. Его шаги по противоскользящему покрытию пола были твердыми. Сегодня на нем был серый шерстяной костюм-тройка, идеально подчеркивающий разворот его широких плеч. Белоснежный воротник сорочки жестко фиксировал шею, полностью скрывая уродливый тюремный шрам, который он так тщательно прятал от мира.

За его спиной, словно выводок чопорных пингвинов, семенили трое мужчин в одинаковых темных костюмах с тонкими планшетами в руках и строгая женщина средних лет в массивных роговых очках — старший аудитор холдинга, Тамара свет-Николаевна. От этой процессии за версту веяло скучными годовыми отчетами, налогами и сокращением штатов.

Марк остановился в двух шагах от центрального раздаточ-

ного стола. Его серые глаза мгновенно отсканировали кухню. Он отметил всё: идеальную чистоту стальных поверхностей, начищенные до блеска сотейники, выстроившихся по струнке поваров и… её.

Алена стояла, чуть расставив ноги и скрестив руки на груди. На её черном кителе не было ни единой складки. Между ними снова, как и вчера в зале, возникло то самое невидимое, но осязаемое физическое напряжение. Воздух на кухне словно стал гуще, всасываясь в легкие с трудом.

— Доброе утро, шеф Полякова, — Марк едва заметно склонил голову. Голос его был сухим, деловым, лишенным вчерашней хриплой интимности. — Надеюсь, ваша команда готова к ревизии. Мы начнем с проверки технологических карт, холодильных камер и оптимизации операционных расходов. Мои аналитики подняли отчеты за прошлый квартал. Ваши авторские блюда обходятся холдингу неоправданно дорого. Будем резать бюджеты.

Тамара Николаевна за его спиной согласно и сурово кивнула, уже занося палец над экраном планшета, готовая вычеркнуть из жизни ресторана половину деликатесов.

Алена сделала один медленный шаг вперед. На её губах появилась хищная, обманчиво мягкая улыбка, какую обыч-

но демонстрируют шеф-повара перед тем, как размазать наглого кулинарного критика.

— Резать бюджеты? — её голос прозвучал как щелчок хлыста, заставив вздрогнуть даже опытного Дениса. — Что ж, господин главный инвестор, добро пожаловать в мой мир. Но перед тем, как ваши… счетоводы полезут своими калькуляторами в мои холодильники, позвольте напомнить вам главное правило этой кухни. Если кто-то из ваших людей испортит мне хотя бы один грамм охлажденного трюфеля, нарушит температурный режим камеры вызревания мяса или влезет в маринад без стерильных перчаток — я лично заставлю их съесть их собственные планшеты. Без соуса и без соли. Начнем?

За спиной Марка кто-то из молодых аудиторов икнул. Денис на заднем плане судорожно закашлялся, пытаясь скрыть лезущую наружу ухмылку.

— Ближе к делу, Алена Игоревна, — Марк даже не моргнул, хотя в глубине его зрачков на секунду вспыхнул опасный, оценивающий азарт. Он обожал, когда она огрызалась. Это значило, что она не сломлена. — Начнем с самой крупной статьи расходов — поставщики мяса. Я посмотрел накладные. Вы закупаете мраморную говядину у небольшого частного фермерского хозяйства в пригороде, а не у наше-

го крупного федерального дистрибьютора, с которым у холдинга подписан глобальный контракт. Ваш ценник выше на сорок два процента. Это абсурд. С сегодняшнего дня «Версаль» переходит на стандартные рельсы снабжения.

Алена резко перерезала ему траекторию движения, встав прямо между Марком и массивной дверью гигантской холодильной камеры. Она была ниже его почти на голову, но сейчас казалась скалой.

— Стандартные рельсы? — её глаза сузились, превратившись в две зеленые щелки. — Ваш федеральный дистрибьютор возит замороженную блочную говядину, накачанную химическим рассолом для веса. Из неё невозможно приготовить стейк нужной прожарки, который растает у гостя во рту. Он будет похож на подошву старого сапога, который долго варили в соленой воде. Мои гости платят за премиальный продукт. Если вы урежете этот бюджет, ресторан потеряет статус лучшего в городе ровно через две недели. А через три — ваши драгоценные акции холдинга поползут вниз.

— Бизнес — это сухие цифры, шеф Полякова, — Марк сделал шаг вперед, сокращая расстояние между ними до опасного минимума. Теперь он чувствовал запах её цитрусовых волос. — И эти цифры требуют оптимизации. Читатели финансовых отчетов не едят стейки.

— Бизнес в ресторанной сфере — это вкус, Марк Александрович! — Алена тоже подалась вперед, почти касаясь грудью его безупречного серого жилета. — Хотите цифр и доказательств? Пожалуйста. Денис! — громко крикнула она, не сводя яростного взгляда с Марка. — Вынеси со станции заготовок две пиалы под тартар. Номер один и номер два. Живо!

Бородатый су-шеф со скоростью испуганного бегемота метнулся к холодильнику и через тридцать секунд с грохотом поставил на стальную раздачу две лаконичные металлические чаши. В обеих лежало мелко порубленное сырое мясо, сдобренное каплей оливкового масла и луком-шалотом. Внешне они выглядели абсолютно одинаково.

— Проверим вашу хваленую бизнес-логику на практике, Громов, — Алена виртуозным, фокусническим движением выхватила из стакана дегустационную ложку и протянула её Марку. — Закройте глаза. Попробуйте оба варианта. Или вы боитесь признать при своих подчиненных, что ровным счетом ничего не понимаете в том бизнесе, за который вчера выложили миллионы?

На кухне воцарилась такая тишина, что было слышно, как у холодного цеха капает конденсат. Аудиторы замерли, блед-

нея. Никто в здравом уме не смел брать Громова «на слабо».

Марк медленно, не торопясь, протянул руку и перехватил ложку. Его пальцы намеренно скользнули по её теплой коже. По телу Алены прошла мелкая, электрическая судорога, но она упрямо осталась стоять на месте, высоко задрав подбородок.

Марк закрыл глаза. Его лицо очистилось от эмоций. Он уверенно зачерпнул мясо из первой пиалы, отправил в рот, задумчиво пожевал. Затем Тамара Николаевна протянула ему чистую ложку, и он повторил процедуру со второй чашей. На кухне слышалось только мерное, утробное гудение мощных вытяжек.

Марк открыл глаза. Серый лед его зрачков потемнел, подернувшись странной дымкой.

— Вторая пиала, — негромко, но веско произнес он, аккуратно кладя ложку на стол. — Текстура мяса плотнее, волокна не разваливаются в кашу. Вкус чистый, насыщенный, без этого химозного, водянистого послевкусия, которое оставляет мясо, подвергшееся шоковой заморозке. Это твоя фермерская говядина, Полякова.

— Шах и мат, Громов, — с явным триумфом выдохнула

Алена, скрестив руки на груди и победно глядя на аудиторов. — Во второй пиале — мой фермер. А в первой — то самое мясо вашей «оптимизированной» корпорации, которое вы хотели запихать моим гостям. Ну что, сэкономим пару сотен тысяч рублей ценой потери лица и закрытия ресторана?

Марк промолчал. Он смотрел на неё — раскрасневшуюся от спора, гордую, красивую, пахнущую специями, победой и той самой дикой ванилью. Внутри него ворочалось глухое, полузабытое чувство гордости за эту девочку, которая когда-то не умела даже правильно держать кулинарный нож.

— Ревизия окончена, — резко бросил Марк через плечо, даже не повернувшись к своим сотрудникам. — Аудиторы, свободны. Вернитесь в офис. Пункт по поставщикам говядины из накладных «Версаля» исключить. Оставить прежнее хозяйство. Цену зафиксировать.

Тамара Николаевна возмущенно открыла было рот, но, наткнувшись на ледяной профиль босса, поспешно закрыла планшет. Процессия «пингвинов» в дорогих костюмах спешно ретировалась с кухни, тихо шурша подошвами туфель.

Едва тяжелая дверь за ними закрылась, Марк сделал еще один шаг к Алене. Между ними оставалось от силы сантиметров десять.

— Ты выиграла этот раунд, Шеф, — тихо сказал он, и его голос снова стал тем самым хриплым, пробирающим до костей баритоном. — Но не думай, что…

Договорить он не успел. В этот самый момент на дальнем конце раздаточного стола молодой и жутко напуганный стажер Костик, пытавшийся судорожно убрать подальше от греха тяжелый медный сотейник с кипящим ягодным кули для десертов, оступился. Тяжелая кастрюля сорвалась из его мокрых рук.

Раскаленная, липкая, бордово-красная масса полетела по параболе прямо в сторону незащищенной спины Алены.

— Шеф, берегись! — истошно заорал Денис, но было поздно. Алена даже не успела обернуться.

Реакция Марка была мгновенной — сказались годы, проведенные в месте, где от скорости твоих движений зависело, проснешься ли ты утром. Его железная, как тиски, хватка обрушилась на её тонкую талию. Одним мощным, рывковым движением он буквально сдернул Алену с места, разворачивая и впечатывая в собственную грудь, полностью закрывая её собой от удара.

Тяжелый сотейник с грохотом упал на кафельный пол. Брызги раскаленного, сладкого ягодного сиропа веером разлетелись по безупречной нержавейке стола, пара капель намертво въелась в полы его дорогого серого пиджака, но Алена осталась абсолютно невредимой.

Она оказалась намертво зажата в его объятиях. Нос уткнулся в его сорочку, в ушах бешено, оглушительно и тяжело стучало его сердце. Её ладони инстинктивно, в поисках опоры, уперлись в его плечи. И в этот момент от резкого движения воротник его рубашки съехал далеко в сторону, а верхняя пуговица с мясом вылетела из петли.

Прямо перед её глазами, на его шее, уходя глубоко под ключицу, обнажился рваный, белый, уродливый шрам. Это не был след от цивилизованной скальпельной операции. Кожа была рассечена грубо, словно его кромсали осколком бутылочного стекла или ржавым ножом, а зашивали суровыми нитками в спешке, без какого-либо наркоза. Ткань вокруг шрама была стянута неровными узлами.

Алена замерла, перестав дышать. Её взгляд намертво прирос к этой отметине. В голове со свистом закрутились тысячи вопросов. Тот бедный, нежный Марк, которого она знала семь лет назад, не имел на теле ни единого изъяна.

Марк перехватил её ошеломленный взгляд. Лицо его в секунду исказилось от дикой смеси ярости, стыда и внезапной уязвимости. Он резко, почти грубо оттолкнул её от себя, одним движением поправил воротник сорочки и судорожно запахнул лацканы испорченного пиджака, пряча свои шрамы от чужих глаз.

— Осторожнее на кухне, шеф Полякова, — его голос стал тихим, пугающе хриплым и надломленным. — У вас здесь слишком горячо. Можно обжечься на всю жизнь. Стажера лишить премии.

Он развернулся на каблуках и стремительным, почти беглым шагом вышел с кухни, оставив Алену стоять посреди брызг бордового ягодного соуса с бешено колотящимся сердцем и полным непониманием того, кто же на самом деле этот человек, который только что спас её от ожога.

ГЛАВА 3. Тени на Пьяцца

Вечерная зашивка в «Версале» приближалась к своему апогею — отметке в девять вечера, когда зал забит до отказа, а чеки из принтера на раздаче лезут нескончаемой белой лентой. Воздух на кухне был настолько плотным от пара, жара индукционных плит и ароматов, что его, казалось, можно было резать поварским ножом.

— Тарелки! Мне нужны горячие глубокие тарелки на станцию пасты! Быстро! — орал Денис, су-шеф, взмахивая стальными щипцами, из которых капало густое трюфельное масло. Его борода была взъерошена, а на лбу блестели крупные капли пота. — Леша, если ты еще раз перепутаешь прожарку рибая для седьмого стола, я сам сделаю из тебя прожарку «велл-дан»!

В этот момент у кондитерской станции раздался тихий, жалобный всхлип. Светочка, двадцатидвухлетняя хрупкая кондитерша, у которой сегодня был всего третий рабочий день в «Версале», застыла над подносом с десертами. Её руки, державшие кондитерский мешок с нежным малиновым муссом, мелко дрожали.

— Шеф… у меня суфле осело, — пролепетала она, и из её глаз брызнули слезы. — Десять порций для банкетного стола. Они… они похожи на сдутые мячики. Я не успею переделать, там выпекание двадцать минут!

Алена, которая в этот момент виртуозно, с точностью хирурга нарезала тонкими слайсами сырой соленый лосось, резко остановилась. Нож с тихим стуком лег на доску. Повара вокруг замерли, ожидая, что Шеф сейчас устроит разнос. Но Алена лишь глубоко вздохнула, сделала три быстрых шага к кондитерскому столу и мягко, но крепко перехватила дрожащие запястья Светочки.

— Вдох-выдох, Света, — спокойно, но с непоколебимой уверенностью сказала Алена. — На моей кухне никто не плачет, кроме, как от лука на заготовках. Поняла? Сдулись суфле? Отлично. Переворачивай их. Делаем из них основание для деконструированного мильфея. Покрывай сверху карамельной крошкой, добавляй свежую малину и шарик ванильного мороженого. Скажи официантам, что это комплимент от Шефа — новое прочтение классики. У тебя три минуты. Работаем!

— Есть, Шеф! — Светочка судорожно утерла слезы рукавом и бросилась к холодильнику. Кухня снова зашумела, застучала ножами, возвращаясь в свой безумный, но ритмич-

ный темп.

Алена вернулась к раздаче, но её взгляд зацепился за монитор камер наблюдения, выведенный над её столом. На VIP-зоне, за четвертым столиком, сидел Костя — новый закупщик, которого холдинг прислал пару недель назад. Парень выглядел дерганым. Он заказал только бутылку дорогой итальянской воды, практически не притрагивался к ней, но каждые тридцать секунд поднимал телефон, аккуратно наводя камеру то на бланки заказов у кассового терминала, то на расписание закрытых банкетов, висевшее у прохода.

«Шпионит», — холодная догадка обожгла Алену.

Она поправила воротник кителя и решительно шагнула сквозь распашные двери в зал ресторана. Ей нужно было прижать Костю лично, пока он не слил какую-нибудь внутреннюю документацию конкурентам Марка.

Зал «Версаля» тонул в роскошном полумраке. Звучал тихий, ненавязчивый джаз, гости тихо переговаривались под звон хрусталя. Алена шла между столиками, ловя на себе уважительные кивки постоянных клиентов. Она почти дошла до Кости, как вдруг входные дубовые двери ресторана распахнулись от сильного удара ноги.

В помещение ворвался сырой ноябрьский ветер вперемежку с каплями дождя. А вместе с ним — четверо мужчин.

От них за версту веяло девяностыми: тяжелые кожаные куртки, наглые, сканирующие зал взгляды и полное пренебрежение к правилам приличия. Впереди шел грузный мужчина с сединой на висках и глубоким, уродливым шрамом, рассекающим левую щеку от уха до подбородка. Артур Коваль. Алена мгновенно узнала его — этот человек возглавлял коллекторское агентство, чьи псы семь лет назад выбивали из неё несуществующие долги Марка.

Коваль бесцеремонно пошел вперед, толкая плечом растерявшегося хостес. Официантка Катя, несшая поднос с тремя бокалами дорогого шампанского Crystal для годовщины свадьбы за вторым столом, оказалась прямо на его пути.

— С дороги, малявка, — хмыкнул один из боевиков Коваля, с силой толкнув девушку в плечо.

Катя вскрикнула, потеряла равновесие, и поднос с грохотом обрушился на мраморный пол. Тончайшее хрустальное стекло со звоном разлетелось на тысячи осколков, а дорогое искрящееся вино залило подол платья сидевшей рядом гостьи. В зале мгновенно смолкла музыка. Послышались испуганные вздохи.

— Эй, вы что творите?! — Лешка, официант, попытался заслонить собой сжавшуюся в комок Катю, но Коваль лишь брезгливо поморщился и схватил парня за грудки, приподнимая над полом.

— Рот закрой, официантишка, пока я тебе зубы этим хрусталем не почистил, — процедил Коваль, швыряя Лешку обратно за барную стойку. — Где ваш новый хозяин? Где Громов? Скажите Маркуше, что пришли его старые кредиторы из Будапешта. За процентами.

Алена почувствовала, как внутри неё закипает чистая, ледяная ярость. Этот ресторан был её домом. Эти дети-официанты были её командой. Ни одна тварь из прошлого не имела права приходить сюда и ломать то, что она строила годами.

Она сделала три быстрых шага вперед, встав ровно между Ковалем и напуганным персоналом.

— Выйдите вон из моего заведения, — её голос прозвучал негромко, но так четко и твердо, что боевики Коваля невольно остановились. — Вы сорвали посадку, разбили посуду и напали на моих сотрудников. Убирайтесь, пока я не вызвала полицию.

Коваль медленно перевел на неё свой тяжелый, масляный взгляд. На его губах поползла мерзкая, липкая ухмылка. Он шагнул к ней вплотную, обдавая запахом дешевого табака и сырости.

— Опачки… Алена Игоревна? Надо же, какая краля выросла из той пищащей студентки, которая семь лет назад умоляла меня не бить окна в её съемной конуре, — Коваль нагло протянул руку и грубо, до боли перехватил её подбородок своими грязными, мозолистыми пальцами. — А Маркуша-то твой неплохо устроился. Купил тебе кастрюли побогаче. Только ты передай своему ненаглядному, что если он не отдаст то, что задолжал в Венгрии, твоё красивое личико очень быстро повстречается с раскаленной сковородкой…

Договорить Коваль не успел.

Распашные двери служебного входа открылись с таким звуком, словно их сорвало взрывной волной. В зал стремительным, пугающе бесшумным шагом вошел Марк. Сегодня на нем не было пиджака — только белоснежная рубашка с закатанными по локоть рукавами, обнажающими мощные, жилистые предплечья с проступившими венами. Его лицо было бледным, а серые глаза превратились в две ледяные точки, в которых горел первобытный, смертоносный гнев.

В один широкий шаг Марк преодолел разделяющее их расстояние. Его правая рука, быстрая как удар молнии, обрушилась на запястье Коваля, державшее Алену. С жутким, отчетливым хрустом Марк вывернул сустав бандита вниз.

Коваль взвизгнул, моментально выпуская Алену и оседая на одно колени. Двое его боевиков судорожно полезли во внутренние карманы курток за стволами, но из тени колонн зала мгновенно выросли четверо личных охранников Громова во главе с Олегом. В их руках уже глухо поблескивали вороненые стволы Стечкиных, направленные ровно в головы нападавших.

— Еще одно движение — и ваши мозги украсят эти стены вместо мишленовских наград, — ледяным, лишенным каких-либо эмоций тоном произнес Олег. Бандиты замерли, медленно поднимая руки.

Марк отпустил сломанную кисть Коваля и брезгливо вытер ладонь о скатерть ближайшего стола. Затем он плавно опустился на стул напротив хрипящего от боли авторитета, закинув ногу на ногу. На его шее, прямо над расстегнутым воротом рубашки, багровым цветом налился тот самый рваный тюремный шрам.

— Ты совершил огромную ошибку, Артур, придя на мою

территорию, — тихо, почти шепотом произнес Марк, но от этого шепота у Алены по спине побежали мурашки. — Наши долги остались в Будапеште. Я отсидел за твоего хозяина пять лет в одиночке. Пять лет, Коваль. И выплатил вашему клану всё до последнего цента.

— Деньги ты вернул, Громов, — Коваль, морщась, поднялся с колен, прижимая сломанную руку к груди. В его глазах животный страх смешался с бешеной злобой. — Но ты вернулся слишком богатым. Мои хозяева хотят знать, откуда у беглого зэка миллиарды на покупку холдингов. И девчонку свою ты зря подтянул к себе. Думаешь, спрячешь её за своими контрактами?

Коваль сплюнул кровь на мраморный пол и шагнул к выходу под прицелом охраны Марка.

— Мы еще договорим, Громов. Скоро свадьба Франчески в Неаполе. Ты ведь прилетишь к дону Витторио? Посмотрим, как ты защитишь свою Шефу на нашей земле. Уходим!

Бандиты поспешно ретировались из ресторана. В зале повисла оглушительная тишина. Марк сидел неподвижно еще около минуты, глядя на пятно крови на полу. На его лице снова застыла та самая непроницаемая маска льда. Он резко поднялся, даже не взглянув на Алену, и стремительным ша-

гом ушел через черный ход.

Алена осталась стоять посреди разгромленного зала. В её ушах набатом стучала одна-единственная фраза: «Я отсидел за твоего хозяина пять лет в одиночке…»

Её мир, её семилетняя аккуратно выстроенная ненависть к нему только что разлетелась на такие же мелкие осколки, как те хрустальные бокалы на полу.

ГЛАВА 4. Анатомия правды

Запах пороха, разбитого хрусталя и разлитого дорогого шампанского Crystal еще долго стоял в зале «Версаля», смешиваясь с прохладным воздухом ноябрьского дождя. Гости поспешно покинули ресторан — Олег лично проследил, чтобы администраторы аннулировали все счета за вечер и вежливо извинились перед каждым клиентом, сославшись на «технический сбой в системе безопасности холдинга».

Алена стояла посреди пустеющего зала, глядя на темное пятно крови на мраморном полу — след от Коваля. Её руки, спрятанные в карманы кителя, всё еще мелко дрожали, но не от страха перед бандитами, а от эха слов, брошенных Ковалем. Пять лет в одиночке. Пять лет ада, пока она здесь, в России, строила из себя обиженную, несчастную жертву предательства и зачеркивала его имя в старых блокнотах.

— Шеф… — к ней робко подошла Катя. Девушка уже переоделась в гражданскую одежду, её глаза были красными от слез, а на шее виднелось небольшое покраснение — след от грубого толчка бандита. — Я… я завтра выйду на смену? Нас не закроют?

Алена отвела взгляд от пола и мягко, с непривычной для неё нежностью обняла девушку за плечи.

— Всё хорошо, Кать. Завтра ресторан работает в обычном режиме. Марк Александрович… — имя бывшего возлюбленного далось ей с трудом, царапнув горло, — он полностью контролирует ситуацию. Твоё испорченное платье и разбитый хрусталь холдинг компенсирует. Иди домой, выспись. Лешка, проводи её до такси.

Официанты поспешно потянулись к служебному выходу. На кухне Денис уже выключал индукционные плиты, глухо ворча на стажеров, которые в панике побросали тряпки.

— Алена Игоревна, — из тени за барной стойкой беззвучно выросла фигура Олега. Помощник Марка выглядел уставшим, его галстук был слегка ослаблен, а в руках он держал массивную кожаную папку. — Нам нужно подписать акты списания по сегодняшнему инциденту. И… Марк Александрович просил передать, чтобы вы ехали домой. Личная охрана холдинга уже ждет вас у служебного входа. Они довезут вас до квартиры и останутся дежурить под окнами.

Алена медленно повернулась к Олегу. Её зеленые глаза впились в лицо помощника с такой силой, словно она пыталась прочесть его мысли.

— Олег. Где он?

Помощник Марка отвел взгляд, симулируя внезапный интерес к кассовому терминалу.

— Марк Александрович уехал по делам корпорации…

— Не ври мне, Олег, — резко перебила его Алена, сделав шаг вперед. Её голос сорвался на шепот, полный сдерживаемых слез. — Коваль сказал, что он отсидел пять лет. В одиночке. В Будапеште. Семь лет назад… в тот день, когда он не пришел на открытие нашей закусочной… Что произошло на самом деле? Ты ведь знаешь. Ты был с ним там.

Олег долго молчал. В пустом зале было слышно только, как за окном шуршат шины проезжающих по залитому водой проспекту машин. Наконец, он тяжело вздохнул и закрыл свою папку.

— В тот день его зажали прямо на перекрестке, Алена Игоревна, — тихо, со скрытой горечью произнес Олег. — Три машины людей Коваля. Марк вез деньги за аренду вашего первого помещения. Его избили до полусмерти, бросили в багажник и вывезли через границу по фальшивым документам в тот же вечер. Клан Коваля вешал на его покойного

отца огромные миллионные долги от подпольного транзита грузов. Марку поставили условие: либо он подписывает признание и берет весь срок на себя, садясь в закрытую венгерскую тюрьму под чужим именем, либо… либо его люди находят вас. Марк подписал всё. В ту же ночь. Ради того, чтобы Коваль никогда не узнал, где вы живете.

Алена почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног. Весь её внутренний мир, вся её выстроенная за семь лет стена цинизма и ненависти рухнула с оглушительным грохотом. Он спас её. Цена её спокойной жизни в России — пять лет его личного ада в бетонной коробке.

— Адрес, — выдохнула она, хватая Олега за рукав пиджака. — Дай мне адрес его пентхауса. Прямо сейчас.

Олег посмотрел на её бледное лицо, на горящие зеленые глаза и, достав дорогую ручку, быстро черкнул несколько цифр на бланке заказа.

— Ему нужно, чтобы кто-то включил свет в этой берлоге, Алена Игоревна. Он убивает себя виски каждую ночь после возвращения. Поезжайте. Охрана на въезде предупреждена.

Машина мчалась сквозь ночной, залитый неоном и дождем город. Алена прижалась лбом к холодному стеклу

дверцы, глядя на размытые вспышки уличных фонарей. Внутри неё бушевал настоящий шторм. Ей хотелось кричать от боли, от осознания собственной слепоты. Она считала его предателем, а он… он сидел в чертовой одиночке, вычеркивая дни на стене, защищая её.

Элитная высотка из стекла и бетона встретила её глухим эхом подземного паркинга. Охранник на въезде, едва завидев её китель, молча приложил карту к датчику персонального лифта, отправляя её на последний, тридцатый этаж.

Дверь пентхауса оказалась незапертой — Марк никогда не запирал её, словно ему было абсолютно плевать, кто ворвется в его жизнь.

Алена осторожно переступила порог, заходя в огромную, двухэтажную гостиную. Квартира поражала своим масштабом и… пугающим холодом. Здесь не было ни одной уютной мелочи, ни одной фотографии, ни одного ковра. Только панорамные окна во всю стену, за которыми раскинулся ночной, мерцающий огнями мегаполис, полы из темного наливного бетона, минималистичная мебель из черного металла и стекла. Это была не квартира успешного миллиардера. Это была высокотехнологичная, дорогая одиночная камера. Отражение его внутренней пустоты.

В воздухе стоял плотный запах дорогого торфяного виски, кожи и едва уловимый аромат сырости.

Из приоткрытой двери большой ванной комнаты, облицованной темным матовым мрамором, лился слабый, тусклый свет бра. Алена бесшумно, едва касаясь пола подошвами туфель, прошла туда и замерла на пороге, прижав ладонь к губам, чтобы сдержать рвущийся наружу крик.

Марк сидел прямо на холодном мраморном полу, прислонившись спиной к стене. Его белоснежная сорочка была полностью расстегнута, обнажая торс. В тусклом свете бра его тело выглядело как страшная, уродливая карта боевых действий. Тот шрам на шее, который она заметила утром на кухне, был лишь малой частью. На груди, на плечах, в районе ребер белели десятки рваных, стянутых неровными узлами отметин от ножевых ранений, старых ожогов и побоев.

Он тяжело, хрипло дышал, закрыв глаза. Его правая рука, лежащая на колене, была крепко сжата в кулак, и из неё выглядывал надорванный край старого, пожелтевшего от времени автобусного билета — точной копии того, что лежал в её поваренном блокноте.

Марк медленно открыл затуманенные алкоголем и болью глаза. Увидев её, стоявшую на пороге в своем черном повар-

ском кителе, он не удивился, не разозлился и не попытался прикрыться сорочкой. На его измученном лице появилась слабая, бесконечно горькая улыбка.

— Ты всё-таки пришла, — его голос был пугающе хриплым, надломленным. Он слегка приподнял голову, вглядываясь в её лицо. — Пришла сказать, что я чудовище, Полякова? Давай. Стреляй своими обвинениями. Мне не привыкать. Твоя ярость — это единственное, что доказывает мне, что я еще живой, а не сдох в том Будапеште…

Слова Марка повисли в звенящей тишине. Алена смотрела на его израненную грудь, на этот несчастный клочок бумаги в его пальцах, и вся её броня окончательно рассыпалась в прах. Не было больше холодного миллиардера Громова. Был её Марк. Изломанный, прошедший сквозь ад, но так и не сумевший её забыть.

Она сделала один быстрый шаг вперед. Каблуки глухо стукнули по мрамору, и этот звук заставил Марка вздрогнуть.

Алена медленно, плавно опустилась перед ним на колени на холодный пол. Глаза невыносимо обожгло слезами, которые теперь безудержно покатились по её щекам, смывая дневной макияж. Её теплая ладонь, пахнущая розмарином

и цитрусом, робко поднялась и коснулась его щеки. Пальцы скользнули по жесткой щетине.

Марк замер, перестав дышать. Его серые глаза расширились от шока, в них плеснула дикая, детская уязвимость.

— Заткнись, Громов, — прошептала она, и её голос сорвался на рыдание. — Просто заткнись, пожалуйста.

Напряжение, копившееся долгих семь лет, лопнуло со звуком рвущейся струны. Марк издал глухой, похожий на утробный стон рык, и в следующее мгновение его мощные руки обрушились на её талию. Он рванул её к себе с такой силой, словно пытался впечатать её хрупкое тело в собственную грудь, спасаясь от нахлынувшего безумия одиночества.

Их губы встретились в сокрушительном, отчаянном поцелуе.

В нем не было нежности — это была чистая, первобытная стихия. Поцелуй, в котором смешались обжигающий привкус виски, соленые слезы Алены, её многолетняя глухая обида и его застарелая, сводящая с ума боль. Марк целовал её так, словно умирающий от жажды в пустыне наконец добрался до источника с водой — жадно, до боли, сминая её губы. Его ладони блуждали по её спине, сминая плотный хло-

пок черного кителя, а Алена впивалась пальцами в его широкие плечи, чувствуя подушечками пальцев рельеф каждого тюремного шрама, отдавая ему всю свою теплоту, всю свою любовь, которую она так упрямо пыталась задушить.

Они сгорали в этом огне, не в силах остановиться, пока воздух в легких окончательно не кончился.

Марк отстранился первым, тяжело и прерывисто дыша. Он прижался своим лбом к её лбу, его глаза были закрыты, а пальцы продолжали мертвой хваткой держать её за талию, словно он боялся, что она исчезнет, превратится в призрака, стоит ему ослабить контроль.

— Аля… — хрипло выдохнул он, и его голос задрожал. — Прости меня. Господи, если бы ты знала, как я хотел вернуться…

Алена с трудом перевела дыхание, утирая слезы ладонью. Страсть улеглась, оставив после себя звенящую, обнаженную и пугающую честность. Она мягко высвободилась из его рук, поднялась и, включив теплую воду в раковине, смочила небольшое мягкое махровое полотенце.

— Вставай, — тихо, но непреклонно сказала она, протягивая ему руку.

Марк посмотрел на её маленькую ладонь, горько усмехнулся, но послушно поднялся с пола. Алкоголь еще туманил его движения, но он упрямо держал спину ровно, сохраняя выправку лидера. Алена довела его до спальни, усадила на край огромной кровати и села рядом. Она аккуратно коснулась теплым полотенцем его плеча, стирая капли пота и известковую пыль. Её взгляд снова упал на рваный след под ключицей.

— Теперь ты расскажешь мне всё, Марк, — Алена заглянула ему прямо в душу, в самую глубь его застывших серых зрачков. — Без твоих дурацких контрактов про десять миллионов, без масок циничного инвестора и без лжи. Что с тобой сделали в той Венгрии?

Марк долго молчал, глядя на свои ладони. Старый автобусный билет так и остался зажат в его пальцах, слегка помятый от его хватки. Наконец, он сделал глубокий вдох, и его голос зазвучал глухо, ровно, словно он зачитывал чужой судебный приговор:

— Тюрьма Сегед на юге Венгрии. Закрытый блок для особо опасных, — тихо произнес он, и его челюсти сжались. — Меня заперли в бетонной коробке два на три метра. Без окон. Только тусклая лампа под потолком, которая горела круглые

сутки, чтобы я потерял счет времени. Первые полгода люди Коваля платили надзирателям, чтобы те «забывали» приносить мне еду или устраивали ночные допросы с пристрастием. Они хотели, чтобы я сломался и сдал счета своего отца, о которых я сам ничего не знал. Эти шрамы на ребрах — память о зимнем бунте, когда охрана зачищала блок штыками. А тот, на шее… — он горько усмехнулся, — сокамерник заточил ложку, чтобы забрать мою порцию хлеба. Пришлось доказать ему, что русские студенты так просто не сдаются.

Алена слушала его, и её сердце разрывалось на части от физической боли. Она прижала ладонь к груди, чувствуя, как внутри всё немеет от ужаса. Пока она училась на кулинарных курсах, выбирала соусы и злилась на него за то, что он «сбежал с деньгами», он выживал в бетонном гробу среди убийц и насильников.

— Пять лет одиночки, Аля, — Марк повернулся к ней, и в его глазах впервые за семь лет блеснули настоящие, горькие мужские слезы. — Пять лет, где единственным, что удерживало меня от того, чтобы не расшибить себе голову о бетонную стену, был твой образ.

Я закрывал глаза и вспоминал вкус твоего яблочного пирога, который ты вечно пересахаривала на нашей общажной плитке. Вспоминал, как пахнут твои волосы после смены в

столовой. Этот билет… я выгрыз его у начальника тюрьмы, когда меня обыскивали. Он лежал в моем кармане все пять лет.

Он поймал её руку, крепко сжимая её пальцы в своей широкой ладони.

— Когда я вышел по УДО два года назад, у меня не было ничего, кроме ярости и желания отомстить. Я зубами выгрыз этот холдинг, заработал каждый чертов миллион, чтобы вернуться в Россию и уничтожить империю Коваля. И когда Олег доложил мне, что Коваль вернулся и ищет тебя, чтобы ударить по мне… я выкупил твой ресторан за любые деньги. Я запер тебя в этом контракте на десять миллионов, потому что знал: твоя гордость не позволит тебе принять мою помощь. Это был единственный способ приставить к тебе своих бойцов, контролировать каждый твой шаг и держать тебя в безопасности. Мне было плевать, что ты меня ненавидишь. Главное — чтобы ты жила, Аля. Чтобы ты просто дышала.

Алена слушала его хриплый, срывающийся голос, и слезы с новой силой потекли по её щекам. Она медленно потянулась к нему, обвила руками его мощную, израненную шею и прижалась щекой к его груди, прямо над бьющимся, испуганным сердцем.

— Дурак ты, Марк Громов, — прошептала она, давясь слезами. — Какой же ты дурак… Почему ты просто не пришел и не рассказал всё? Мы бы справились вместе.

— Потому что война еще не закончена, Аля, — Марк перевернул ладонь и крепко, до хруста сжал её тонкие пальцы, прижимая к себе. — Коваль пришел сегодня в ресторан не просто так. Он знает, что ты — моя единственная слабость. И теперь, когда он увидел, что я сломал ему руку ради тебя, ставки выросли до предела. Нам обоим грозит смертельная опасность. И свадьба Франчески в Неаполе, про которую он говорил… это капкан, в который нас заманивают.

Тяжелые капли дождя продолжали хлестать по панорамным стеклам тридцатого этажа, превращая огни ночного города в размытые акварельные полосы. В спальне пентхауса царил густой полумрак, рассекаемый лишь тусклым отсветом бра из ванной комнаты.

Марк Громов сидел на краю кровати, его широкие плечи были опущены, а на израненной груди судорожно вздымались ребра. Алена, стоявшая на коленях напротив него, медленно опустила влажное полотенце на покрывало. Её пальцы коснулись его ладони, зажимающей старый автобусный билет, и мягко разжали его пальцы. Этот жест, такой простой и земной, окончательно разрушил остатки ледяного барьера

между ними.

— Семь лет, Аля… — хрипло выдохнул Марк, глядя на неё. — Семь лет темноты.

Она ничего не ответила. Ей не нужны были слова. Алена приподнялась, её ладони скользнули вверх по его жилистым предплечьям, обнимая за шею и увлекая за собой на прохладные шелковые простыни огромной кровати. В этот момент время остановилось. Семь лет глухой обиды, одиночества, недосказанности и боли растворились в первом же судорожном вздохе.

Эта ночь не была похожа на их нежные студенческие свидания. В ней было слишком много выстраданного, слишком много отчаяния людей, которые заглянули в бездну и чудом вернулись назад. Марк прикасался к ней так, словно до сих пор не верил, что она настоящая, а не очередной фантом из его одиночной камеры. Его большие, горячие ладони изучали изгибы её тела с жадной, пугающей осторожностью. Каждое прикосновение отзывалось в Алене электрическим током. Она впивалась пальцами в его плечи, очерчивала подушечками пальцев рельеф уродливых шрамов на его ребрах, словно пытаясь своим теплом исцелить каждую его прошлую рану.

В полумраке спальни смешались ароматы торфяного виски, дорогой кожи, её цитрусового кителя и соленых слез, которые они больше не пытались скрывать друг от друга. Это было возвращение домой после долгой, изнурительной войны.

Тела прижамались друг к другу так тесно, что казалось — кожа больше не разделяет, а соединяет. Марк целовал её по-настоящему — глубоко, жадно, будто все семь лет ожидания вырвались разом. Алена отвечала с такой же силой, обхватив его за шею, вплетая пальцы в короткие волосы. Их дыхание сбилось.

Он перевернул её на спину одним плавным движением, и теперь уже его вес накрыл её — тяжёлый, горячий, родной. Алена выгнулась навстречу, проведя ладонями по его спине, по жёстким рубцам, которые больше не пугали. Каждый шрам под её пальцами будто отзывался, принимая тепло.

Марк целовал её лицо, шею, плечи — неспешно и в то же время с какой-то отчаянной жадностью. Его руки скользили по её телу, запоминая заново каждую линию, каждый изгиб. Алена отвечала тем же: гладила, прижимала, притягивала ближе, будто боялась, что он снова исчезнет, если ослабит объятия хоть на мгновение.

Когда он наконец вошёл в неё, время будто остановилось. Они оба замерли, глядя друг другу в глаза в полумраке. В этом взгляде было всё — боль, прощение, голод, нежность и то оглушительное облегчение, которое приходит только после долгих лет разлуки. Алена тихо выдохнула его имя. Марк уткнулся лбом ей в лоб и начал двигаться.

Сначала медленно. Глубоко. Словно каждое движение было признанием. Потом сильнее. Страстнее. Их тела находили общий ритм так легко, будто никогда и не расставались. Шёлковые простыни сбивались под ними. Дождь за окном вторил их дыханию — то сильнее, то тише.

Алена цеплялась за его плечи, оставляя следы ногтями. Марк целовал её в висок, в уголок губ, шептал что-то хриплое и нежное прямо в кожу. Они двигались вместе, как два человека, которые слишком долго были порознь и теперь боялись упустить даже секунду этой близости. Страсть нарастала волнами — горячая, почти болезненная в своей остроте, но при этом невероятно светлая.

Когда всё внутри наконец сорвалось, Алена прижалась к нему всем телом, пряча лицо у него на шее. Марк последовал за ней почти сразу — с глухим, сдавленным звуком, крепко обхватив её руками, будто хотел впечатать в себя навсегда.

Долгое время они лежали не двигаясь. Только дыхание постепенно выравнивалось, а сердца продолжали биться слишком быстро и слишком близко. Марк не отпускал её. Просто гладил волосы, спину, плечи — медленно, бережно, с какой-то почтительной нежностью после всей той силы, что была между ними минуту назад.

Алена приподнялась чуть выше и поцеловала его в губы — мягко, уже без прежней жадности. Он ответил тем же. Потом уткнулся лицом ей в волосы и тихо выдохнул:

— Я думал, что больше никогда… не почувствую себя живым.

Она провела пальцами по его щеке, по шраму, по линии челюсти.

— Теперь ты здесь. Мы оба здесь.

За окном дождь постепенно утихал. Городские огни всё ещё расплывались по стеклу, но теперь они казались тёплыми. Марк накрыл их обоих простынёй, притянул Алену ещё ближе. Её нога легла поверх его бедра. Его ладонь спокойно лежала у неё на талии, ощущая, как под кожей бьётся жизнь.

Они долго не спали. Иногда просто лежали, слушая дыха-

ние друг друга. Иногда снова находили губы, руки, тепло. И каждый раз это было не просто желанием — это было возвращением. Домой. После семи лет темноты. Марк тихо прошептал ей в волосы:

— Оставайся. Навсегда.

Алена улыбнулась ему в грудь и ответила едва слышно:

— Я с тобой.

06:45 следующего дня.
Спальня пентхауса

Первые бледные лучи ноябрьского солнца пробились сквозь тучи, окрасив холодный бетонный потолок спальни в серые тона. Алена прищурила глаза, ощущая непривычную, тяжелую истому во всем теле. Голова лежала на крепком плече Марка, а его рука по-прежнему железной, но бережной хваткой удерживала её за талию, прижимая к себе.

Марк спал беспокойно — его брови были слегка сдвинуты, а челюсти сжаты даже во сне. Тюрьма не отпускала его до конца. Алена осторожно, стараясь не разбудить его, провела пальцем по его переносице, разглаживая упрямую складку кожи.

Марк мгновенно открыл глаза. В первую секунду в его серых зрачках вспыхнул тот самый смертоносный, сканирующий лед хищника, но, стоило ему сфокусироваться на лице Алены, взгляд потеплел, наполнившись глубокой, осознанной нежностью.

— Не сбежала, — хрипло выдохнул он, утыкаясь носом в её растрепанные темно-каштановые волосы, пахнущие ванилью.

— Шеф-повара не сбегают с поля боя, Громов, — тихо улыбнулась Алена, прижимаясь к его груди. Но её взгляд быстро стал серьезным. — Марк, нам нужно поговорить о том, что будет дальше. В ресторане. Перед командой.

Марк сел на кровати, и одеяло сползло, обнажая его израненный торс. Лицо его мгновенно приобрело собранное, жесткое выражение лидера корпорации.

— Никто на кухне и в зале не должен знать о том, что произошло этой ночью, Аля, — ровно произнес он. — Коваль следит за каждым моим шагом. Тот закупщик Костя, которого ты заметила, явно сливает ему информацию. Если Коваль поймет, что мы снова вместе, он ударит по тебе с удвоенной силой. Для всего мира я остаюсь безжалостным ин-

вестором-рейдером, который выкупил «Версаль» ради аудита и держит тебя на поводке жесткого контракта на десять миллионов. На публике мы продолжаем враждовать. Ты споришь из-за цен на говядину, я холодно отдаю приказы. Это единственный способ выиграть время, пока Олег копает под портовые структуры Коваля.

Алена поднялась с кровати, накинув на плечи его огромную мужскую рубашку. На её лице не было страха — только холодная решимость Шефа.

— Хорошо. Играем по твоим правилам, инвестор. На людях мы враги. Но сегодня… сегодня у нас суббота, ужин забронирован под закрытое мероприятие холдинга только через три дня. Увези меня отсюда, Марк. Хотя бы на одни сутки. Мне нужно выветрить из головы запах пороха.

Марк плавно поднялся, подошел к ней сзади и обнял за плечи, целуя в макушку.

— Мой загородный дом в сосновом бору. Туда тридцать километров по закрытой трассе. Там автономная система безопасности и моя проверенная гвардия. Едем. Олег привезет тебе чистую одежду прямо к дом.

14:30. Загородный особняк в сосновом бору

Это место действительно казалось изолированным раем. Современное двухэтажное здание из темного кедра, термодерева и гигантских панорамных стекол было буквально встроено в вековой сосновый бор. Здесь пахло хвоей, мокрой корой и абсолютной, звенящей тишиной, которой Алене так не хватало в мегаполисе. По периметру высокого кованого забора незаметно дежурили трое парней из личной охраны Громова.

Марк сам вызвался приготовить обед. Алена с искренним ужасом и смехом наблюдала, как миллиардер из списка Форбс пытается неуклюже, слишком широко шинковать свежий зеленый базилик огромным японским ножом, который Олег заботливо привез вместе с вещами.

— Громов, отдай нож, ради всего святого! — смеясь, Алена отобрала у него рукоять, встав у кухонного острова из светлого мрамора. — Ты держишь его как топор! У тебя пальцы веером летят. Смотри: кисть расслаблена, нож ходит по дуге, кончик не отрывается от доски. Вот так.

Марк замер позади неё, положив руки ей на талию и глядя, как её тонкие пальцы с феноменальной скоростью превращают пучок зелени в идеальную ароматную стружку.

— На моей кухне главный только один человек, ты забыла? — шепнул он ей в шею, обжигая кожу дыханием.

— На домашней кухне главный тот, у кого нож, — парировала Алена, разворачиваясь в его руках и поднося к его губам ложку с соусом из спелых томатов и оливкового масла. — Пробуй. Соли хватает?

Утро в загородном особняке пришло тихо, будто само боялось нарушить хрупкое счастье, которое наконец поселилось между ними.

За высокими окнами тянулся серый, мягкий день — небо было низким, но дождь уже не шёл. Только редкие капли ещё падали с тёмных елей в саду. В гостиной потрескивал камин. Огонь лениво лизал поленья, отбрасывая тёплые блики на паркет и на низкий кожаный диван, где они сидели.

Марк держал в руках маленькую чашку с крепким эспрессо. Пар поднимался тонкой струйкой. Алена сидела рядом, подобрав ноги, и тоже грела ладони о свою чашку. Они почти не говорили. Просто сидели плечом к плечу и смотрели в огонь.

Иногда Марк наклонялся и касался губами её виска. Легко. Как будто проверял, что она всё ещё настоящая. Алена

закрывала глаза и улыбалась — тихо, едва заметно. Потом сама поворачивалась и ловила его губы. Поцелуи были медленными, глубокими, но без вчерашней отчаянной жадности. Теперь в них было что-то другое — спокойная, почти благоговейная нежность людей, которые наконец могут себе позволить не торопиться.

— Ты помнишь, — тихо сказал Марк, глядя в огонь, — как мы когда-то мечтали о таком доме? Ещё в универе. Чтобы было тихо. Чтобы можно было просто сидеть и ничего не решать.

Алена кивнула. Её пальцы скользнули по его запястью, провели по шраму, который начинался чуть выше.

— Я помню. И потом долго пыталась себя убедить, что это была глупая мечта.

Он поставил чашку на низкий столик и повернулся к ней всем корпусом. Большая ладонь легла ей на щёку. Большой палец медленно провёл по скуле.

— А теперь она настоящая, — прошептал он. — И ты настоящая. И я… впервые за семь лет чувствую, что могу просто дышать.

Алена наклонилась вперёд и прижалась лбом к его лбу. Они сидели так долго — глаза закрыты, дыхание смешивается. Камин потрескивал. Где-то далеко в доме тихо тикали старинные часы. Больше ничего не существовало.

Потом она отставила свою чашку и перебралась к нему на колени. Медленно, будто спрашивая разрешения. Марк сразу обхватил её за талию, притянул ближе. Алена устроилась удобнее, обняла его за шею и просто лежала у него на груди, слушая сердце. Его руки гладили её спину — вверх-вниз, медленно, почти заворожённо. Иногда пальцы зарывались в волосы, слегка оттягивали пряди, чтобы поцеловать шею сзади.

Чувственность этой близости была совсем другой, чем ночью. Здесь не было бури. Была тихая, глубокая волна, которая накатывала снова и снова. Когда Марк целовал её под ухом, Алена тихо выдыхала и сильнее прижималась. Когда она проводила губами по его щетине, он закрывал глаза и держал её ещё крепче.

Они снова целовали друг друга — долго, неспешно, с какой-то почти благодарной жадностью. Руки исследовали знакомое и в то же время новое: мягкость кожи, тепло, биение пульса. Иногда Марк отстранялся совсем немного, смотрел ей в глаза и улыбался той редкой, настоящей улыбкой, кото-

рую Алена не видела целую вечность.

— Я всё ещё ловлю себя на мысли, что это сон, — признался он тихо. — Что сейчас открою глаза — и снова камера. Или отчёты. Или люди, которые хотят нас уничтожить.

Алена взяла его лицо в ладони.

— Тогда не открывай. Просто будь здесь. Со мной.

Она поцеловала его снова — мягко, но настойчиво. Губы едва касались сначала, будто спрашивали разрешения, а потом легли увереннее, глубже. Марк ответил с такой же нежностью, и мир действительно сузился. Осталось только тепло камина, горьковатый запах остывающего эспрессо, запах её кожи и его кожи, тихий шорох ткани, когда она чуть сильнее прижалась, и сбившееся, тяжёлое дыхание, которое теперь было общим.

Его ладонь медленно поднялась по её спине, зарылась в волосы у затылка, слегка оттянула пряди, чтобы углубить поцелуй. Алена тихо выдохнула ему в рот. Пальцы другой его руки легли ей на талию, большим пальцем рисуя почти незаметные круги сквозь тонкую ткань. Она чувствовала, как под этой ладонью становится горячо.

Они целовались долго. Без спешки. Словно у них впереди была целая жизнь, а не украденные часы. Иногда губы лишь скользили друг по другу, почти невесомо. Иногда Марк прихватывал её нижнюю губу, мягко прикусывал, и Алена отвечала тем же — осторожно, с какой-то щемящей жадностью. Их дыхание смешивалось. Сердца бились слишком близко.

Алена слегка отстранилась, только чтобы посмотреть ему в глаза. В полумраке, в отблесках огня они казались почти чёрными. Она провела пальцами по его щеке, по жёсткой щетине, по шраму у виска. Марк поймал её руку и прижал ладонь к своим губам. Поцеловал центр ладони, потом каждый палец — медленно, будто запоминая заново.

Потом он снова притянул её ближе. На этот раз поцелуй был глубже. Его рука скользнула под край её свитера, легла на голую кожу поясницы. Тёплая, чуть шершавая от старых мозолей. Алена вздрогнула — не от холода. От того, насколько родным показалось это прикосновение. Она обхватила его сильнее за шею, прижалась всей собой, и Марк тихо, почти беззвучно выдохнул ей в губы что-то похожее на её имя.

Они покачивались слегка, будто в невидимом танце. Огонь потрескивал. Где-то далеко стукнули часы. Алена чувствовала, как его сердце колотится у неё под ладонью, и

знала, что он чувствует то же самое. Семь лет тишины, боли и одиночества растворялись в этом медленном, почти благоговейном исследовании друг друга.

Марк оторвался от её губ только затем, чтобы провести носом по её щеке, коснуться губами виска, потом уголка глаза. Алена закрыла глаза и позволила себе просто быть. Просто чувствовать его тепло, его запах, тяжесть его рук, то, как он держит её — крепко и одновременно бережно, будто она самая хрупкая и самая важная вещь в его мире.

Когда их губы снова встретились, поцелуй стал ещё тише, ещё глубже. Уже не вопрос и не жадность — а тихое, абсолютное «я здесь». И «ты здесь». И «больше ничего не нужно».

Огонь в камине постепенно опадал, оставляя только тлеющие угли и мягкий красноватый свет. А они всё ещё лежали так — близко, очень близко, — и мир за высокими окнами особняка просто перестал существовать.

Марк медленно провёл ладонью вниз по её спине, остановился на пояснице, потом ещё ниже, на бедре. Пальцы слегка сжали мягкую кожу, и Алена тихо выдохнула ему в шею. Она чувствовала, как под его ладонью становится горячо, как тепло разливается по всему телу волнами. Её собствен-

ная рука скользнула по его обнажённой груди, провела по рубцам, задержалась над сердцем. Удары были сильными, быстрыми — почти такими же, как у неё.

Он наклонился и поцеловал её в основание шеи, там, где бился пульс. Потом ниже, к ключице. Губы были горячими, чуть шершавыми от щетины. Алена запрокинула голову, открывая ему больше кожи, и тихо, почти беззвучно произнесла его имя. Марк ответил низким, сдавленным звуком и прижался ближе, так, что между ними почти не осталось воздуха.

Они двигались медленно, будто в полусне. Ткань одежды тихо шуршала, когда Марк помог ей полностью освободиться от свитера, а она — от его рубашки. Теперь кожа касалась кожи. Горячая, живая, чуть влажная от дыхания. Алена провела ладонями по его плечам, по сильным рукам, по бокам, запоминая заново каждую мышцу, каждый шрам. Марк делал то же самое — его большие ладони скользили по её спине, по талии, по бёдрам, с такой нежностью и жадностью одновременно, что у неё перехватывало дыхание.

Он перевернул её на спину совсем мягко, почти бережно, и накрыл собой. Не всем весом — лишь настолько, чтобы она чувствовала его тепло, его тяжесть, его присутствие. Алена обхватила его ногами за пояс, притянула ещё ближе. Их лбы

соприкоснулись. Глаза в полумраке блестели.

— Я так боялся, что больше никогда… — прошептал он хрипло, и голос дрогнул.

Алена прижала пальцы к его губам.

— Тише. Просто будь со мной.

Она подняла голову и поцеловала его — глубоко, медленно, с такой искренностью, что Марк задрожал всем телом. Его рука скользнула под её бедро, приподняла чуть выше, и они прижались друг к другу ещё теснее. Движения были едва заметными — лёгкое покачивание, трение кожи о кожу, тихие, сбитые вздохи. Каждое касание отзывалось внутри горячей, сладкой волной.

Алена гладила его спину, ногтями едва касаясь кожи, чувствуя, как напрягаются мышцы под пальцами. Марк целовал её лицо — лоб, веки, скулы, уголки губ, — будто хотел оставить на ней невидимые следы своей нежности. Иногда он просто замирал, уткнувшись лицом ей в шею, и дышал — глубоко, рвано, — словно пытался навсегда запомнить её запах.

Они лежали так долго, пока угли в камине почти не по-

гасли. Только редкие вспышки ещё освещали их переплетённые тела. Алена чувствовала, как его сердце бьётся у неё под грудью, и знала, что он чувствует то же самое. Семь лет одиночества, боли, страха — всё это отступало с каждым прикосновением, с каждым тихим поцелуем, с каждым общим вздохом.

Марк приподнялся чуть выше, посмотрел ей в глаза. В красноватом свете его лицо казалось мягче, чем она когда-либо видела. Он провёл большим пальцем по её нижней губе и тихо, почти благоговейно прошептал:

— Ты — самое лучшее, что со мной случалось. Даже после всего.

Алена улыбнулась сквозь внезапную влагу в глазах и притянула его обратно к себе. Их губы встретились снова — уже без спешки, без отчаяния, только с бесконечной, тихой чувственностью людей, которые наконец позволили себе быть вместе. По-настоящему. Кожей к коже. Сердцем к сердцу.

Они так и провели эти часы — переплетясь на диване, иногда замолкая, чтобы просто слушать сердцебиение друг друга, иногда снова находя губы, руки, тепло. Никаких телефонов. Никаких мыслей о цифрах, акциях, опасностях. Только огонь, тишина и двое людей, которые после семи лет

тьмы наконец позволили себе быть счастливыми.

Идиллия оборвалась в половине четвертого дня, когда телефон Алены, оставленный на мраморном столе, настойчиво и глухо завибрировал, нарушая тишину дома.

На экране светилось сообщение от су-шефа Дениса. К тексту была прикреплена размытая, сделанная тайком фотография с камеры наблюдения раздевалки персонала.

«Шеф, у нас ЧП, — писал Денис. — Ты просила присматривать за залом и процессами, пока отдыхаешь. Сегодня после обеденного сервиса я зашел на станцию заготовок и поймал Костю. Этот гаденыш залез в твой личный сейф в кабинете — ты ключ в ящике оставила. Он сфотографировал все новые технологические карты твоего авторского меню и, главное, бланки логистики и списки гостей закрытого VIP-банкета холдинга Громова, который будет во вторник. Когда я его окликнул, он знатно струхнул, наплел, что искал накладные на рыбу, и быстро свалил. Он слил инфу Ковалю, Шеф. Что делаем? Вызывать ментов или ломать ему ноги?»

Алена почувствовала, как внутри неё всё мгновенно покрывается коркой льда. Счастливая улыбка исчезла с её лица. Она медленно повернула экран смартфона к Марку.

Громов прочитал сообщение за секунду. Его челюсти сжались с такой силой, что на щеках явственно заходили желваки, а серые глаза снова превратились в две холодные точки.

— Коваль не ждет вторника, он играет на опережение, — тихо, со стальной опасной нитью в голосе произнес Марк. — Технологические карты меню — это полбеды. Но списки гостей банкета… Во вторник в «Версале» соберутся мои ключевые инвесторы из Азии. Если Коваль перехватит их по дороге или устроит провокацию с их безопасностью, репутация моей корпорации будет уничтожена в один миг. Акции упадут, а инвесторы расторгнут контракты. Это его план. Уничтожить меня финансово через твой ресторан.

Денис на том конце провода ждал ответа. Алена сделала глубокий вдох, её пальцы крепко сжали смартфон. В её глазах больше не было паники или растерянности — только холодный, злой профессионализм Шефа, чью кухню и чей дом посмели осквернить предательством.

— Напиши Денису, чтобы вел себя как обычно, — Алена посмотрела Марку прямо в глаза, и на её губах появилась хищная, опасная улыбка. — Мы не будем увольнять Костю, Марк. Этот шпион думает, что он самый умный и его никто не раскусил. Раз Коваль хочет информацию о банкете — мы скормим ему фальшивку. Заставим этого ублюдка слить Ко-

валю те данные, которые нужны нам. Мы поменяем локацию и время в бланках, перенаправим их людей по ложному следу, а сами сыграем на опережение. Сыграем по правилам моей кухни, Громов?

Марк посмотрел на неё — гордую, решительную, невероятно сильную — и в его глазах вспыхнуло искреннее восхищение.

— Шах и мат, Шеф. Пиши Денису план. Начнем оперативную игру.

ГЛАВА 5. Наживка из красного бархата

План оперативной игры они с Марком расписывали прямо на бумажных салфетках у камина в особняке, устроив настоящий мозговой штурм. Алена отвечала за кулинарную правдоподобность фальшивого меню, Марк — за ложные финансовые и логистические маркеры. Коваль должен был проглотить наживку целиком, не почувствовав подвоха.

— Если мы напишем, что банкет просто переносится в другое заведение, Коваль сразу почует засаду, — Марк задумчиво вертел в пальцах карандаш, глядя на огонь. — Он знает, что я параноик. Я должен «спрятать» инвесторов там, где у меня есть абсолютный контроль. Локация должна быть изолированной.

— Порт, — Алена подняла на него глаза. — Твоя закрытая яхта. Скажи, что из-за угрозы безопасности в городе ты переносишь встречу на воду. В меню мы пропишем блюда, которые требуют минимальной тепловой обработки на борту — крудо из сибаса, тартары, легкие муссы. Это обоснует, почему шеф-повар может работать вне стационарной кух-

ни «Версаля». Коваль знает, что я дорожу репутацией, и не соглашусь на фальшивое меню, если оно будет выглядеть непрофессионально.

— Идеально, — Марк жестко усмехнулся. — Олег подготовит фальшивые бланки фрахта судна и тайминг прибытия азиатских послов к резервному причалу номер двенадцать. Коваль отправит туда своих людей, чтобы перехватить нас на трапе, а мы в это время тихо проведем реальный банкет в самом «Версале», который к тому моменту будет оцеплен моей службой безопасности.

Понедельник, 09:15. Ресторан «Версаль»

На следующее утро в ресторане Алена вела себя как обычно. Никаких следов нежности, никакой слабости. Она была Шефом — собранной, жесткой, контролирующей каждое движение персонала. На кухне стоял привычный шум утренних заготовок: повара чистили овощи, Денис проверял свежую поставку зелени, а Костя, закупщик, сидел на своем рабочем месте у компьютера, стараясь не привлекать внимания. Он выглядел бледным и постоянно бросал короткие, вороватые взгляды в сторону кабинета Алены.

Алена прошла по коридору, шурша полами безупречно чистого черного кителя.

— Костя, зайди ко мне в кабинет через пять минут с отчетом по морепродуктам, — бросила она мимоходом, даже не взглянув на парня.

Закупщик заметно занервничал, поправил воротник рубашки и поспешно кивнул:

— Да, Шеф, сейчас соберу накладные.

Едва за ней закрылась дверь кабинета, Алена достала из сумки массивную пластиковую папку ярко-красного цвета с крупной, отпечатанной на принтере наклейкой: «КОНФИДЕНЦИАЛЬНО. Протокол безопасности VIP-банкета 08.11». Она демонстративно положила её в самый центр своего рабочего стола, прямо поверх ноутбука, так, чтобы папка сразу бросалась в глаза любому вошедшему.

Через три минуты в дверь робко постучали.

— Заходи, Костя, — Алена устало потерла виски, симулируя крайнюю степень стресса и изнеможения.

Парень переступил порог, держа в руках несколько листов бумаги. Его взгляд мгновенно, как магнит, прилип к красной папке на столе. Алена заметила это мимолетное движение его зрачков, но никак не подала виду.

— Шеф, вот отчет по устрицам от нового поставщика… — начал он слегка подрагивающим голосом.

— Оставь на столе, Костя, — Алена тяжело вздохнула, откинувшись на спинку стула и изображая панику. — У меня голова раскалывается. Этот Громов… он сумасшедший. Он просто маньяк контроля. Ты слышал, что он придумал? Из-за пятничного налета Коваля он отменил банкет во вторник в зале! Полная смена локации. Я всю ночь переписывала технологические карты под его чертову яхту в закрытом порту!

Костя едва заметно подался вперед, его дыхание перехватило.

— На… на яхту, Шеф?

— Да! — Алена раздраженно всплеснула руками, подыгрывая его интересу. — Он везет азиатских послов напрямую к двенадцатому причалу в порт к восьми вечера. Всё строго засекречено, охрана холдинга перекрывает сектор. В этой папке — новое меню и реальный тайминг прибытия кортежа инвесторов. Громов думает, что перехитрил всех. Если эта информация уйдет Ковалю или прессе, Громову конец, его акции рухнут за час. Ладно, Костя, оставь бумаги. Мне нужно срочно выйти к соуснику, у него там демиглас пригорает. Я буду через двадцать минут.

Пожалуйста, не трогай ничего на моем столе, я еще не занесла данные в базу.

Она поднялась, демонстративно оставив красную папку лежать на самом видном месте, и быстрым шагом вышла из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

В конце длинного кафельного коридора заготовочного цеха, укрывшись в тени раздаточного окна, её ждал Денис. Сушеф держал в руке смартфон, на который был выведен скрытый видеопоток с камеры, установленной в плафоне освещения кабинета Алены.

— Сработал? — шепнул Денис, всматриваясь в экран.

— Смотри сам, — Алена наклонилась к монитору.

На экране было отчетливо видно, как Костя, едва дверь за Аленой закрылась, судорожно вскочил со своего стула. Он подлетел к столу Шефа, его пальцы дрожали, когда он открывал красную папку. Парень быстро, делая серию снимков, сфотографировал каждый лист фальшивого протокола безопасности, схемы причала номер двенадцать и меню для яхты. Через полторы минуты папка лежала ровно в том же положении, а Костя с потным лицом и горящими глазами

поспешно выскочил в коридор, судорожно пряча телефон в карман брюк.

— Как миленький, — Алена холодно, хищно усмехнулась, и в её зеленых глазах вспыхнул опасный азарт. — Рыбка заглотила наживку целиком вместе с крючком. Коваль отправит своих людей в порт к двенадцатому причалу в восемь вечера во вторник, где их встретит спецназ Громова. А мы в это время спокойно накормим азиатских инвесторов здесь, в «Версале». Возвращаемся на кухню, Денис. Нам нужно подготовить идеальный ужин.

Вторник, 23:45. Загородный особняк Марка Громова

Операция в порту прошла как по нотам. Коваль действительно отправил две машины со своими штурмовиками к двенадцатому причалу, надеясь заблокировать кортеж инвесторов. Вместо послов их встретила группа захвата службы безопасности Громова и вызванные сотрудники СОБРа. Завязалась короткая перестрелка, закончившаяся полным разгромом боевиков. Сам Коваль, почувствовав засаду в последний момент, успел прыгнуть в скоростной катер и уйти по воде в сторону залива.

Реальный банкет в «Версале» прошел безупречно — ази-

атские инвесторы были в восторге от авторских блюд Алены и подписали многомиллиардный контракт с холдингом Марка.

После завершения этого безумного дня Марк увёз Алену обратно в загородный особняк. В доме было тепло, в камине мерно потрескивали сосновые дрова, бросая длинные оранжевые тени на стены из темного кедра. Алена, уставшая, но счастливая, сидела на диване, завернувшись в мягкий плед, и пила теплое молоко с медом. Марк стоял у панорамного окна, глядя на темные силуэты сосен. На нем были только свободные темные брюки — пиджак и рубашка были брошены на кресло. На его широком плече тускло белел шрам от старого ножевого ранения.

Алена смотрела на него поверх края кружки. Тёплое молоко с мёдом согревало ладони, а запах сосновых дров смешивался с лёгким ароматом его кожи, который она уже снова узнавала даже на расстоянии. Марк стоял неподвижно, руки опущены вдоль тела, взгляд устремлён в чёрную чащу за стеклом. Оранжевый свет камина скользил по его спине, подчеркивая рельеф мышц и белесый шрам на плече. Она поставила кружку на низкий столик и тихо позвала:

— Марк.

Он повернул голову. В полумраке глаза казались особенно тёмными. Несколько секунд он просто смотрел на неё — на плед, на чуть растрёпанные волосы, на усталую, но мягкую улыбку. Потом медленно подошёл. Диван прогнулся под его весом, когда он сел рядом. Не слишком близко сразу. Будто всё ещё боялся нарушить эту хрупкую тишину. Алена сама сдвинулась к нему, завернулась в плед плотнее и положила голову ему на голое плечо. Кожа была тёплой. Шрам под щекой оказался чуть шершавым.

Марк замер на мгновение, потом обнял её свободной рукой, притягивая ближе. Большая ладонь легла ей на спину поверх пледа и начала медленно гладить — вверх-вниз, почти автоматически, будто руки сами вспомнили, как это делается.

— Ты устала, — тихо сказал он.

— Устала. Но хорошо, — прошептала она в его кожу. — Впервые за долгое время устала от чего-то хорошего.

Он чуть наклонил голову и коснулся губами её волос. Потом ещё раз. Алена закрыла глаза. Камин потрескивал ровно, размеренно. Где-то в глубине дома тихо гудело отопление. Больше ничего не было слышно.

Они сидели так долго. Иногда Марк проводил ладонью по её плечу, спускался к локтю, обратно. Иногда Алена слегка поворачивала голову и касалась губами его шрама — совсем легко, почти невесомо. Каждый раз он чуть сильнее сжимал её.

Через какое-то время она откинула край пледа и провела ладонью по его груди, по рёбрам, остановившись над сердцем. Удары были спокойными теперь. Ровными.

— Раньше я думала, что никогда больше не увижу тебя вот таким, — сказала она тихо.

Марк накрыл её руку своей.

— А я думал, что разучился быть… просто человеком. Без расчётов. Без оружия за спиной.

Он повернулся к ней сильнее, и Алена оказалась почти у него на коленях, всё ещё закутанная в плед. Марк осторожно убрал прядь волос с её лица, провёл пальцами по щеке, по линии челюсти. Потом наклонился и поцеловал — медленно, глубоко, с той самой тихой чувственностью, которая уже не требовала слов.

Поцелуй длился долго. Его рука скользнула под плед, лег-

ла на её талию поверх тонкой ткани домашнего халата. Алена обхватила его за шею, притягивая ещё ближе, и мир снова сузился до тепла кожи, запаха дыма и мёда, до тихого шороха дыхания.

Когда они чуть отстранились, Марк уткнулся лбом ей в лоб. Алена улыбнулась и снова прижалась губами к его губам — мягко, почти лениво. Его ладони гладили её спину под пледом, медленно, бережно. Марк ещё раз наклонился и поймал её рот — на этот раз чуть глубже, чуть настойчивее. Губы двигались медленно, изучающе. Алена ответила с такой же тихой жадностью, обхватив его лицо ладонями. Пальцы скользнули по щетине, по скулам, зарылись в короткие волосы на затылке. Он тихо выдохнул ей в рот, и этот звук отозвался где-то глубоко внутри.

Его рука под пледом стала смелее. Ладонь прошла по её боку, задержалась на талии, потом поднялась выше, касаясь кожи сквозь тонкую ткань. Алена слегка выгнулась навстречу прикосновению, не разрывая поцелуя. Марк провёл большим пальцем по рёбрам, будто считал их, запоминая заново.

Когда они наконец чуть отстранились, дыхание у обоих сбилось. Лбы соприкоснулись. В тусклом свете догорающего камина глаза Марка казались почти чёрными.

— Я всё ещё не верю, — прошептал он хрипло. — Что могу вот так держать тебя. Целовать. Просто… быть рядом.

Алена провела пальцем по его нижней губе.

— Тогда целуй ещё. Пока не поверишь.

Он усмехнулся — коротко, почти беззвучно — и снова притянул её к себе. На этот раз поцелуй был мягче, но оттого ещё более чувственным. Губы лишь скользили, касались уголка рта, возвращались, задерживались. Марк спустился ниже — к щеке, к виску, к чувствительному месту за ухом. Алена тихо всхлипнула и сильнее вцепилась в его плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.